

A flat-lay photograph of a desk or workspace. At the top, a portion of a silver laptop is visible. Below it, a stack of three light pink books is on the left. To the right, a bouquet of pink roses lies on a white, wrinkled fabric surface. In the center, a white envelope is partially open. Below the envelope, a small white heart-shaped dish sits on the fabric. At the bottom center, a pink ceramic coffee cup filled with dark coffee has a gold spoon resting inside. To the right of the coffee cup is a clear glass perfume bottle with a black ribbon around its neck. In the bottom left corner, a bouquet of white and pink roses is wrapped in brown paper. In the bottom right corner, an open book with text is visible. The overall aesthetic is soft, romantic, and organized.

Гутиеррес Тая

Первый поцелуй
Анны

12+

Татьяна Гутиеррес
Первый поцелуй Анны

«Автор»

2018

Гутиеррес Т. П.

Первый поцелуй Анны / Т. П. Гутиеррес — «Автор», 2018

Анна - наполовину аргентинка, наполовину русская девочка с отменной фантазией и самоиронией - переезжает в подмосковный поселок и поступает в частную школу, где ей предстоит учиться с непростыми детьми. Она знакомится с мальчиком и отправляется с ним на поиски ведьмы. И находит ее! Вскоре ей приходится уехать в Аргентину, где она находит связь между ведьмой и своей старой знакомой. Анна учится танцевать танго, вести дела на фазенде, справляться с новыми чувствами. И, конечно же, ее ждет первый поцелуй!

© Гутиеррес Т. П., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвертая	13
Глава пятая	14
Глава шестая	17
Глава седьмая	20
Глава восьмая	22
Глава девятая	25
Глава десятая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Татьяна Гутиеррес

Первый поцелуй Анны

Глава первая

Так, так... Главное успокоиться и не паниковать. Сейчас зайдем, мило улыбнемся, поздороваемся, и быстро за парту, как ни в чем не бывало. Ведь не обязательно оправдываться. Или обязательно?

Вы не подумайте, у меня нет воображаемого друга, просто, когда я разговариваю сама с собой, всегда говорю о себе во множественном числе. Как будто мое внутреннее «я» пытается вразумить внешнее. К тому же, так веселее.

И что я сейчас наплету? С каждым шагом все больше и больше меня охватывает паника, а внутри нарастает тревога. Все было бы не так страшно, если бы это не был мой второй день в новой школе. И не просто в новой школе, а в новой частной школе. А это означает, что там учатся дети богатых родителей. Такие не прощают оплошностей. Хотя, конечно, всех под одну гребенку не стоит... Но все же, вы меня понимаете. В голове одни дурацкие варианты:

а) Самолет упал рядом с нашим домом – я себе это не раз представляла. Я, вытирая пот со лба, перемазанная грязью, тащу на себе жертву катастрофы на фоне взрывающегося двигателя. Спасая перепуганных окровавленных людей, чтобы они потом по телевизору рассказывали: «Если бы не эта девочка, нас бы здесь уже не было...» А я такая: «На моем месте каждый поступил бы так же...»

б) В дом забрались воры – более реальная ситуация, и ее я тоже много раз проигрывала в голове: я успеваю схватить на кухне нож, изображаю Джеки Чана, хотя, если честно, терпеть его не могу. Запираю их в кладовке и вызываю полицию. Там, кстати, тоже присутствуют репортеры.

в) Должно быть что-то плаксивое, но никак не подберу вариант... Все не то.

А мама еще говорит, что я большая выдумщица. Ха, да я врать-то не умею.

Надо же было так опростоволоситься. Увлечешься собственной записью в дневнике и в итоге опоздать на занятия на десять минут! Никогда в жизни я не признаюсь, что писала в дневнике. Под дулом пистолета даже не признаюсь в том, что он вообще у меня есть. Это все равно, что объявить, что ты все еще играешь в куклу Барби. Что, кстати, неправда. Моя Барби не ходит в гости к другим Барби и не пьет с ними чай: это занятие для пятилеток. Она мерит наряды и шьет себе новые (вернее, я шью). У нее есть миниатюрные копии почти всех платьев из маминого последнего Космо. Я, надо сказать, этим очень горжусь. Создать копию дизайнерского платья может не каждый! Подождите еще несколько лет, и того и гляди, мои собственные платья будут красоваться на обложках глянцевого журналов.

Ну вот, вдыхаю глубоко и открываю дверь. Придется импровизировать.

– Здравствуйте, я немного заблудилась в школе, я тут новенькая, – тараторю я с опущенным взглядом и слышу гогот всего класса. И тут происходит самое ужасное – я шаркаю каблучком по полу, и выходит крайне неприличный звук. Ну, знаете, такой, что не поймешь, откуда он исходит...

Вы когда-нибудь проваливались сквозь землю? Нет? Жаль. Мне бы научиться этому у кого-нибудь. Сейчас бы это точно не помешало. Я стою у двери перед двадцатью ошалевшими подростками, которые все еще сидят не за партами, а на них, сплетничают и передают тетради-опросники. Вроде тех, в которых есть вопросы: «Тебе нравится хозяйка анкеты?» или еще лучше: «Кто из мальчиков тебе нравится?» – Ну как будто кто-то станет писать правду! Стою и не могу сдвинуться с места. Слышали они или не слышали? Мне хочется закричать:

«Я не портила воздух, это просто пол скрипучий». Но тем самым, думается мне, привлеку еще больше внимания. Может, никто и не заметил. А так точно помнить всю жизнь будут.

Так опростофилиться на второй же день. Может, снова школу поменять? Ладно, все не так плохо. Главное, что учительницы еще нет. Я прохожу на последний ряд и шлепаю рюкзак на стул. На лице – полное отсутствие эмоций, что не скажешь про голову.

Вообще-то я планировала сесть с какой-нибудь девочкой, всю ночь думала об этом. Мы обязательно должны были стать лучшими подругами, и доверять друг другу секреты, кататься на роликах, держась за руки, и вместе делать домашнее задание. Но сейчас, выставив себя полной душой перед всем классом, мне только хочется уподобиться страусу и спрятать свою растрепавшуюся голову поглубже в паркет, чтобы обо мне поскорее забыли. Да и кто захочет сидеть рядом с пердуньей? Черт возьми, не лучшее начало.

Проходит минут двадцать. Анастасия Юрьевна уже зашла и начала урок. Но я ничего не слышу. Слишком уж много всего нового. К тому же отвлекают сторонние звуки, доносящиеся из открытого окна. Мне так и охота высунуться в него, и оказаться по другую сторону. Увидеть жизнь за пределами сонного класса, вдохнуть глоток свободы.

– Пс... Пс!!! – Я кручу головой и понять не могу, кто это произносит. – Эй, держи портфель! – К своему ужасу, я замечаю чью-то лохматую голову в окне. Он уже перекидывает портфель и мне ничего другого не остается, как этот портфель поймать и водрузить на скамейку рядом.

– Следи, чтобы училка не смотрела!

– А? – я морщусь нос, хотя прекрасно сознаю, как это выглядит.

Он подтягивается и в мгновение ока перемахивает через окно.

Я двигаюсь, освобождая место новому знакомому, который с грацией медведя и грохотом самосвала усаживается рядом.

– Опять? Максим, снова за свое? Опоздал почти на целый урок и решил незаметненько зайти? – учительница щурится на моего соседа.

– Эээ, – говорю я и сама не верю тому, что отрыла свой рот. Но меня уже не остановить. – Да он тут с самого начала сидел, Анастасия Юрьевна. Портфель просто упал. Простите. – Невинно хлопаю глазами – в фильмах это помогает.

Теперь на меня таращится весь класс, включая Анастасию Юрьевну и нового лохматого знакомого. Какого черта я вообще взялась его выгораживать? Мало с меня позора на сегодня?

– Ладно, извини Максим. Я тебя не заметила.

– Ух ты! – говорит благодарный сосед. – Спасибо. Я Максим.

– Я уже поняла. – Я закатываю глаза, при этом мои щеки краснеют, выдавая волнение. –

Анна.

До самого звонка я так и не поняла, о чем говорила Анастасия Юрьевна. В голове так и крутились посторонние мысли. Дело в том, что, хоть я и не хотела этого говорить, но все же признаюсь: в старой школе я была забитым гадким утенком. Лишний раз старалась не высываться, и вообще не открывать рот. По натуре я тихоня и от собственной забитости меня уже порядком подташнивает. У меня длинная густая челка, которая с одной стороны чуть поднимается вверх – из-за второй макушки. Мой слегка вздернутый нос и неказистый подбородок совсем не делают меня музой художников. Хотя все остальное весьма сносно: точеная фигурка и длинные ноги дают мне повод для мечтаний о светлом будущем повелительницы подиума, на котором я буду демонстрировать наряды собственного сочинения. Я вообще особа мечтательная, своему будущему завидую очень сильно. И думаю, оно у меня будет гораздо интереснее, чем у тех выскочек из старого класса.

Подводит только одежда. Ее мне покупает мама. С расчетом на то, чтобы было удобно, не марко и тепло. А это означает, что мой шкаф отродясь не видел модной и красивой одежды. Но и сама она одевается точно также: джинсы да рубашки.

Но главный плюс перехода в другую школу – это то, что тебя никто не знает. И у меня есть шанс стать другим человеком. Таким, каким я хочу быть. Придумать себе новый образ, примерить новый характер, и начать совсем другую, гораздо более интересную жизнь. Главное поверить самой в это, тогда все получится. Вот мой план.

Глава вторая

02.09

Дорогой дневник! Я так волнуюсь! Сегодня я иду в новую школу, где, безусловно, меня ждет много чего интересного. До начала занятий осталось всего полчаса. И я решила поделиться с тобой своим волнением.

Теперь, перейдя в другую школу, где меня совсем никто не знает, я стану другой собой. Я это твердо решила и думала об этом весь август. И у меня есть план!

Во-первых, надо познакомиться и подружиться с интересной девочкой. Она должна быть красивой, чтобы мальчики всегда хотели с нами общаться. Мне всегда казалось, что это из-за Катьки ко мне не подходили мальчики знакомиться.

Во-вторых, надо наконец-то встряхнуться и всем показать, насколько я интересный человек. Надо почаще говорить! Говорить на уроках, говорить с одноклассниками. Не бояться!!!!

В третьих...

Утром я не дописала, потому что чуть не опоздала на урок. Но все обошлось. Дорогой дневник, ты никогда не поверишь, что со мной произошло сегодня! Я в буквальном смысле спасла одного мальчика. Жаль, что он не в моем вкусе. А то я бы точно начала мечтать о том, как у нас сложатся отношения. Не то, чтобы я уже не намечала, как он вырастает и становится красавцем. Как мы дружим, и в итоге женимся.

После урока он подошел ко мне, поинтересоваться, не новенькая ли я, что само собой странно. Но это, видимо, из благодарности. Я только и смогла буркнуть, что да. Развернулась и ушла. Теперь сижу, и бью себя кулаком по лбу.

Как же мне хочется стать другой! Пойду, пожалуй, разложу пасьянс, как у нас сложится с Максимом. А потом за уроки. Всего второй день в школе, а уже заданий до самой ночи. И это называется частная школа. Моя смутная надежда на то, что за ежемесячные платежи за обучение нам не будут давать домашнее задание, растаяла словно пластилин в сорокоградусную жару.

Я закрываю дневник и люблю его обложкой. Она выполнена в виде коллажа вырезок из маминых старых журналов. И все фрагменты означают что-то для меня: вот девушка в ванной с журналом – ммм... обожаю наслаждаться пенной ванной и тайком читать мамин Космо; а тут деловая девушка в умопомрачительном костюме – я тоже такой когда-нибудь стану. Или вот эта, мне нравится больше всего: девушка, скрестив ноги, лежит на кровати и делает записи в дневнике.

Я прячу его под нижний ящик стола. Встаю и вприпрыжку бегу делать себе бутерброд с джемом и чай. Я еще не совсем привыкла к новому дому. Переехали мы четыре дня назад, и все, даже наш старый журнальный столик, усыпанный путеводителями по разным странам, и теперь стоящий в непривычном месте, кажется новым. А переехали мы с одной надеждой – видеть папу чуть чаще, чем обычно. Дело в том, что он работает в консалтинге, что-то связанное с бизнес-процессами на предприятиях, ну, я не совсем понимаю, о чем это. И то самое предприятие, на котором он меняет те самые бизнес-процессы, находится как раз минутах в двадцати отсюда. Раньше, когда мы жили почти в центре Москвы, у папы уходило около двух часов на дорогу. Это «туда». «Обратно» он мог ехать все четыре. Однажды, один из сотрудников того самого предприятия сказал ему, что живет в поселке с собственной частной школой, магазином свежей выпечки и всяческими другими благами человечества, и пригласил его в гости. Папа в гости съездил, ему понравилось, и спустя два месяца мы стали счастливыми обладателями первого в жизни нашей семьи собственного дома. Мама тут же начала сходить с ума, оптом закупая журналы по интерьеру и атакуя «Икею» раз в две недели. Но, отдам ей

должное, ее старания возымели успех. Дома у нас уютно и очень красиво. Как в журналах, которые перекочевали с арендованной квартиры в наш самый настоящий дом, и теперь валяются по всем углам: на кухне, в туалете, во всех комнатах, и даже на лестнице, ведущей наверх. И да, папу мы стали теперь видеть по вечерам, а не ночам. И это здорово.

Глава третья

Вечером, переделав все домашние задания, я довольная иду в ванную. Надо внимательно рассмотреть себя (честно говоря, эти планы не давали мне сосредоточиться на уроках, поэтому я так затянула с ними) и решить, что же делать со своей внешностью. Я просто обязана стать красоткой. У меня для этого все есть. Кроме одежды. Но это можно исправить. Скажем, перешить старую кофту. Точно. Надо заняться этим на выходных. Или заработать денег!!! Как же я раньше не догадалась? Надо порыться в интернете. Я много чего умею. Знаю испанский в совершенстве. Спасибо родителям. Вернее, папе. (Он у меня аргентинец, поэтому стал разговаривать со мной на родном языке сразу же как я родилась).

Ладно, с деньгами позже разберусь, пришло время заняться волосами.

Я вооружаюсь журналом о прическах и еще одним – о жизни звезд. Зачем они вообще нужны маме, если она даже своим отражением не интересуется?

Расчесав волосы, я придирчиво изучаю отражение. Да, до звезды еще далеко, но с чего-то начинать надо. Фотография Джулии Робертс с обалденными бликами в волосах не дает мне покоя. Я, конечно, на нее похожа, как Жигули на Мерседес, но красивые волосы идут всем. Да и потом, вы видели Джулию Робертс в пятнадцать лет?

Когда мы расставляли вещи, я видела у мамы флакон с обесцвечивающим составом. Мама всегда красится в блондинку, и ей это очень идет. Я всего-навсего сделаю несколько прядей.

Ага! Вот она! Достаяю из-под ванной литровый бутыль с надписью Blond Me. Я вся уже горю от предвкушения. Так и вижу себя красоткой. Щедро наливаю состав в одноразовую миску и отделяю прядь на челке. Нет, маловата. Надо побольше, а то незаметно будет.

Я пыхчу и задыхаюсь от едкого запаха, и спустя десять минут почти вся моя голова покрыта вязкой кашей. Я слегка увлеклась сначала челкой, а потом и остальными волосами – не выделяться же им. Окрашенные прядки падают на остальные волосы и пачкают их. Поэтому я принимаю единственно правильное решение: красить будем все! Пусть будут чуть светлее, никто даже не заметит. Покончив с головой, я мою руки, и в ожидании чуда смотрю на себя в зеркало. Корни на челке уже начали светлеть. Я несколько раз подпрыгиваю на месте. Не спрашивайте зачем.

Как я раньше не догадалась до этого, сразу бы пошла в школу блондинкой, и никто бы не знал, что на самом деле эталон мышиного цвета – это мой родной волос. Подержу еще немного. Я почти бью воздух кулаками от того, что вижу результат стараний. Мне не терпится все смыть, но в инструкции сказано 30 минут. Сказано – сделано. Еще несколько минут и голова под кран. Кожу жутко жжет. Но, как говорится, красота требует жертв. Стоя с опущенной головой и поливая свои обновленные волосы, замечаю, что эффект несколько иной. Те волосы, которые мне видно, окрасились в какой угодно цвет, только не в любимый мужчинами блондинистый. К тому же на дне ванны остается подозрительно много волос. Намного больше, чем положенные сто...

Боже мой!

Боже мой!

Боже, Боже мой!

Мааааама. Что делать? Вот дура, что натворила!

На меня из зеркала враждебно смотрело странное чучело с, по крайней мере, тремя неестественными цветами на голове. Я замечаю рыжеватый, пегий и соломенно-желтый и все это великолепие переливается от корней к кончикам Настоящая радуга. Из ванны выйти страшно. Надо посушить феном, может, все не так плохо...

Все плохо. Еще хуже. Волосы высохли и стали торчать в разные стороны. Меня ударила шаровая молния!

Я закрываю лицо руками и надеюсь увидеть себя прежнюю, когда уберу их.

Постояв еще минуты три у зеркала и окончательно изведя себя, решаюсь выйти. Хоть бы папа не попался на пути. Надо быстро пойти завязать платок. Я на цыпочках пробираюсь по коридору к себе в комнату. Закрываю дверь и выдыхаю. Но рано. На кресле за моим письменным столом с выпученными глазами сидит папа и на его лице смесь эмоций. Но он явно сдерживает смех.

– Gorda... – В переводе с испанского это означает «толстушка». Но я не обижаюсь, в Аргентине все близкие люди так зовут друг друга. Тем более я скорее похожа на треску, чем на толстушку. Это что-то вроде «дорогая».

Я стыдливо прячу глаза. Лучше бы мама была тут.

– Мама видела твоя красота?

Вообще у меня папа говорит на трех языках. Испанском, его родном, английском – по началу они с мамой общались только на нем; и на плохом русском – за семнадцать лет, что он тут провел, падежи для него не стали понятнее. Хотя, словарным запасом он обладает обширным.

Я мотаю головой. Если произнесу хоть полслова, разревусь как белуга. Уголки моих губ предательски опускаются вниз – помимо моей воли. Плакать я не хочу. Я хочу обратно свой родной мышинный цвет.

– Так, быстро надевай кепку, и в машина. Поехали исправлять этот кошмар.

Ухты! Он даже ругаться не стал. Такого я не ожидала, и, воспрянув духом, вприпрыжку подсакиваю к шкафу и вытягиваю оттуда первый попавшийся головной убор: панамы в маленький розовенький цветочек, которую я не носила лет с 10. И даже в том возрасте она уже нелепо смотрелась на мне. Но сейчас мне все равно, и так выгляжу как пугало огородное.

Я забираюсь в машину на переднее сиденье – редко предоставляется такая возможность.

– Кому ты звонишь?

– Коллеге. Его жена владеет салоном красоты.

– Вы куда? – до меня доносится мамин голос из дома.

– Так, покататься, магазин и обратно.

Ничего себе. Мой собственный папа выгораживает меня перед мамой. Интересно, он все же расскажет ей вечером, где мы были? Я бросаю на него взгляд: уголки папиного рта расплзаются в произвольной улыбке. Пускай хоть кому-то сегодня будет весело.

До салона мы доезжаем в полной тишине. Папа только изредка отпускает взгляд от дороги и тарачится на обновленную версию своей дочки. Я от чувства вины боюсь даже рот открыть. Но когда мы подъезжаем, меня охватывает приятное волнение. Еще ни разу я не была в настоящем салоне красоты. Не надела я делов, еще бы года два не попала туда.

– Привет, Доминик.

– Лена, это моя дочь, Анна. У нее сегодня случилась неожиданная красота. Я боюсь от ее чар завтра все мальчики падать в школе.

– Вот это да! Ну-ка, ну-ка... А ты что здесь делаешь? – Я еще не вижу человека, но голос знакомый. У меня нарастает неприятное чувство, словно булыжник крутится в животе.

Ну точно, это Максим. Что, черт возьми, ОН тут делает??? Мои щеки тут же розовеют, и я чувствую, что потею, как свинья.

– Анна, это мой сын...

– Максим... Да, я знаю. Мы в одном классе учимся. – Я стараюсь не смотреть на него в надежде, что он тоже тогда не будет смотреть на меня.

Я уже не уверена, что позорнее: мой головной убор или солома на голове. Имея маму парикмахера, кстати, ему тоже не мешало бы привести себя в порядок.

Я снимаю панаму, и все разом охают, даже уборщица, которая должна смотреть на пол, а не на меня.

– Ничего себе! – Максим не удерживается от комментария. – Тут один вариант – под ноль. Ты что, в кислоту ныряла? Что это за чудо-краска?

В ответ я только пыхчу и надеюсь, что это Максим шутит. Его мама смотрит на меня вопрошающе. Ей тоже хочется знать название моего бьюти-средства.

– Не знаю, – бормочу я, – у мамы нашла. – Ужас. Я не только выгляжу, но и говорю как маленькая девочка. Хорошо хоть Максим не в моем вкусе, а то бы точно можно было стреляться. Надеюсь, он не расскажет завтра всему классу о моем парикмахерском провале.

– Лена, ты это исправить? – Вздыхает папа, в его глазах уже читается волнение.

А что, если правда, придется все обрезать?

– Только не наголо, – взволнованно лепечу я, и вся аудитория взрывается смехом. Да, точно. Клоун дня.

– Садись, сейчас сделаем из тебя красотку.

Я сажусь на кресло и вижу собственное отражение в зеркале. Я готова умереть, прямо здесь и сейчас.

Максим маячит рядом, то и дело нервно гогоча. Потом достает телефон и фотографирует меня.

– Макс, перестань сейчас же. Вон отсюда!

– Ладно, ладно, и так собирался уходить. – На прощание он еще раз фыркает, сдерживая приступ смеха.

И этого идиота я сегодня выгораживала, рискуя собственной репутацией и огромной двойкой в журнале???

Лена, надо сказать, постаралась на славу. Хоть она и вернула мне обратно мой серовато – мышинный цвет, но я была безгранично рада снова его видеть. К тому же она подстригла меня и впервые в моей жизни у меня появилась ровная челка. Ничего бросакого и суперпривлекательного, но с меня достаточно перемен на сегодня.

Домой мы с папой вернулись через два часа, и мама уже стояла на крыльце, нервно постукивая поварешкой по веранде.

– Ну, наконец-то. Где вас носило?

– Да вот, покатались, встретили жену моего коллеги. Лену, помнишь, у нее салон красоты? Ну не важно. – Если бы у Лены была лавка с восточными предметами интерьера, мама бы запомнила. А салон красоты – ни малейшего шанса. Папа машет рукой на маму, когда та оловянными глазами уставляется на него и вопросительно поднимает брови. – Вот, Анну подрезали.

– Подстригли, – автоматом поправляет мама.

Тут мамин взор обращается ко мне. Только бы не заметила ничего, только бы не заметила.

– Не вижу ничего. По-моему, все как было.

Фух... Для такого умного человека, как моя мама, она на удивительно не наблюдательна. Мне даже становится немного обидно.

Папа мне незаметно подмигивает, и я широко улыбаюсь ему в ответ. У меня самый замечательный папа на свете!

– В следующий раз захочешь измениться, подожди пару лет. Или хотя бы пару часов, чтобы я отвез тебя к Лена.

Конечно. Он не мог без нравоучений. Ну да ладно, приключение с волосами у меня и так отбило охоту менять внешность.

Глава четвертая

На следующий день, я при полном параде: в тонюсеньких колготках, новых лаковых туфельках, которые я просто обожаю, юбочке в складку и простой черной футболке отправляюсь в школу. То и дело вытаскиваю прядь волос из хвоста и любуюсь несколько измененным цветом. Мои ногти покрашены бледным лаком, чтобы не бросаться в глаза учителям. Вместо объемного рюкзака на плече мамина сумочка, которую я выпрашивала целых двадцать минут. От количества тетрадей, учебников и всяческих школьных принадлежностей она невероятно распухла, но все же остается более элегантной, нежели бордовый рюкзак. Идти мне от силы минут десять. Поэтому я только и успеваю что намечтать себе яркое будущее модельера, как дохожу до металлической ограды школы. Прикладываю пропуск – это система еще новая для меня. В старой школе нас встречал охранник Дядя Паша, и здоровался с нами со всеми по именам. Вот у кого память что надо!

Ворота плачут и пропускают меня внутрь. Ко мне подступает радостное предвкушение чего-то нового и я, убедившись, что за мной никто не наблюдает, начинаю распевать своим совсем не певчим голосом «Wonderful life».

– Чему это ты так радуешься?

Только не это. Он что, меня преследует? Может, влюбился в меня? Хотя, нет. Вряд ли. Только не после того, как увидел вчера в полной красе.

– Ничего я не радуюсь, – бурчу я и открываю дверь.

– Отличная прическа, гораздо лучше, чем было. – Уголки губ Макса явно тянет в стороны.

– Ха-ха. – Я не могу придумать ничего умного. Так всегда со мной. Наверняка вечером в голову придет уйма дерзких и интересных фраз, но только не сейчас. Я даже себе кажусь скучной.

– Ладно, не обижайся. С кем не бывает. Хорошо, что мама знает что делать. А то ты была похожа на...

Я вопросительно поднимаю брови, и Макс принимает единственно правильное решение – заткнуться. До самого класса мы в неудобной тишине идем рядом. Что он вообще ко мне привязался?

В классе к моему огромному разочарованию все девочки, даже на вид самые непопулярные, сидят вместе. И видя мое замешательство в выборе места, Макс хлопает по своей парте.

– Садись со мной. А то одному скучно.

Его предложение одновременно и льстит мне и пугает. Что, я теперь так и буду с ним сидеть? Не сильно хочется. Хотя весь класс заметил, что Макс пригласил меня сидеть с ним рядом. Это наверняка утерло носы всем этим зазнайкам.

Черт, неужели у меня так и не будет подруги?

Я вижу, как девочка с длинными белокурыми косами и огромными голубыми глазами шепчет что-то рядом сидящей подруге. Я улавливаю ее взгляд и улыбаюсь. Пусть видит, какая я общительная.

Что на самом деле полная ерунда. Более затюканного, спокойного и малословного человека, чем я сама, не встречала в жизни. Но здесь этого никто не знает. Посмотрите на меня, я сажу с мальчиком, который сам меня об этом попросил! Ха! Ха! Пять раз ха!

Глава пятая

Проходит две недели, за окном уже все листья желтые, а у меня даже намек нет на подругу. Даже мама, которая дома не бывает, гоняет чай с соседкой Анабель. Они постоянно шепчутся и громко смеются. Так, что меня аж передергивает. Ее мама, когда была беременная ей, читала какой-то сентиментальный роман с главной героиней Анабель, вот и решила бедную девочку так назвать. Странная она какая-то, это Анабель. Позавчера сидела слезы лила, я так и не поняла почему – мама вытурила меня из кухни. А сегодня ржет как конь.

Я уже излазила весь интернет в поисках подсказок как найти подругу, но все, что нашла, это предложение вывесить объявление в социальных сетях о том, что я ее ищу. Это же все равно, что признать, что я полная неудачница. Еще и Макс не помогает. Он теперь сидит со мной абсолютно на всех уроках, даже на английском. Ходит со мной в столовую. И постоянно подшучивает. Вчера умудрилась ускользнуть в столовку пораньше. И по совету одного интернет-сайта, подошла к рыженькой девочке, чтобы завязать разговор. Рыженьких ведь всегда притесняют, нет? И я решила, что она наверняка тоже в отчаянных поисках подруги. Выглядело это примерно вот так:

– Привет, сегодня вкусные котлеты. – Я, конечно, котлеты попробовать не успела, но, честное слово, больше ничего не пришло в голову.

Пеппи устремила на меня убийственный взгляд карих глаз и даже веснушки не спасли ее лицо от выражения экстремальной воинственности. Мне даже не по себе стало. Рыжая накалывает котлету вилкой и шлепает мне в тарелку.

– Возьми мою, я это дерьмо есть не стану. Приятного аппетита.

Прошло, наверное, минуты две, и только тогда я смогла вернуть себе дар речи.

– Класс, я ее слопаю, – из-за спины раздался голос Максима. Ну, честное слово, кто так делает? Я чуть не выронила поднос из рук, но все же улыбнулась. Все лучше, чем рыжий войн.

Единственное место, куда он Макс не провожает – это туалет. Но я уже не жалуясь. При отсутствии подруги, он – неплохая замена. С ним весело. Он не обсуждает новинки моды, а рассказывает до безумия смешные истории. Нас уже выгоняли с уроков один раз. А еще раз, когда мы в два совершенно немзыкальных голоса пели «гангстерс пэрадайз». Ну да, еще раз из библиотеки...

В библиотеку мы недавно записались. Библиотекарши там оказались настоящими грим-зами. Нашипели на нас за то, что мы натоптали у них. А сами вместо того, чтобы работать, сидели, пили чай с медом.

– Спорим, я могу плюнуть им в банку с медом? – губы Максима растягиваются в забавной улыбке. Она, к слову, ему очень идет. Такая ироничная, с ямочкой. Я поневоле тоже начинаю ему улыбаться.

– Ты что? Тебе сколько лет, вообще? – говорю я и смеюсь.

Тут гримзы встают и уходят в другой зал, оставляя нас наедине со стеллажами скучных книг и банкой меда. Нас вдвоем неоправданно разрывает от смеха, который мы безуспешно пытаемся подавить.

Макс хватает банку и посылает туда огромный плевок.

– Нееет, – говорю я, не веря своим глазам. – Это же невероятная глупость! Это... Это... – Меня скручивает от смеха пополам. Я поверить не могу, что этот балбес лет шестнадцати от роду вытворил такое.

Я хватаю банку и пытаюсь крутить ее словно в центрифуге, чтобы скрыть следы преступления. Не моего, к слову.

Тут в зал заходит одна из гримз, и безмолвно смотрит на меня. Я, обливаясь холодным потом, тоже смотрю то на нее, то на Макса.

В общем, из библиотеки нас исключили. Книги брать неоткуда. Хорошо есть Интернет. И когда меня мама уже замучила, почему я не схожу и не возьму книгу в местной библиотеке, ведь мне так нравится читать настоящие, а не электронные книги, мне пришлось расколотся. Все равно узнала бы.

Мы живем в маленьком таун-хаусе. Тут нечто вроде общины. Недалеко от мегаполиса, и в то же время «наслаждаемся всеми прелестями загородной жизни». Другими словами, ни тебе торговых центров, ни кинотеатров, ни парков. Зато много шашлыков и полупьяных соседей их пожирающих. Хотя, надо признаться, весьма интеллигентных.

Я ожидала любой реакции, ожидала, что мама начнет причитать, что я ее опозорила, что она теперь не сможет соседям в глаза смотреть. Но только не это.

– Это такая страшненькая, с мелкими кудряшками?

– Ну да, – отвечаю я, не понимая, как прическа библиотекарши связана с моей провинностью. – А ты откуда знаешь?

Тут мама разражается гомерическим смехом.

– Надо Анабель позвонить, – И мама снова прыскает смехом, и тут же старается сделать серьезное лицо. – Что с тобой вообще случилось? Ты всегда была такой тихой девочкой? – Она раздувает щеки, пытаясь скрыть свое веселье. – Этот мальчик явно идет тебе на пользу.

Честно? Разве мама не должна была отчитать меня за такое хамское поведение?

Что-то я не узнаю своих родителей.

– Так, завтра же пойдешь в библиотеку, попросишь прощения и скажешь, что это было большое недоразумение.

– Спасибо, помогла уж. Если что, я закона не нарушала.

– Слушай, если я туда пойду с тобой, тогда тебе точно вход заказан. – И она снова смеется. Ничего не понимаю. В мою маму бес вселился.

Она всегда была немного странная. Папа говорит, что поэтому и влюбился в нее. Но я-то знаю, что дело было в ее безумно длинных ногах и огромных зеленых глазах. Спасибо, и то и другое, мне передалось по наследству. При этом, если вы знакомы с моей мамой, то никогда не назовете ее роковой женщиной. Все потому, что она невероятно неуклюжа. С частотой раз в два дня она что-то проливает на стол и при этом хохочет как ненормальная. Она постоянно что-то ломает. Иногда даже мне становится стыдно за нее. Один раз в гостях она долго восхищалась картиной, висевшей на стене, а потом пошла в туалет и по дороге снесла ее плечом. Картина рухнула и из стены даже посыпались известка. Хозяйка успокоила запричитавшую и извиняющуюся маму, но что-то больше нас не приглашала.

Я делаю вид, что поднимаюсь наверх, а сама остаюсь подслушать, о чем мама будет говорить с Анабель.

– Привет, подруга!

Она уже называет ее подругой! Подумать только! Они знакомы-то дней десять! Меня берет зеленая зависть.

– Не поверишь, что моя дочь учудила. – Мне хочется поправить ее, и сказать, что не я цирк устроила, но все же сдерживаю себя.

Тут мама пересказывает мой позорный случай, то и дело прерываясь, чтобы похихотать.

– Да, да, это еще лучше нашего плана. Только бы она не узнала, что Анна – моя дочь. А то решит, что это я ее подговорила.

А? О чем она вообще.

– Так и надо, не будет слухи распускать. Бедный твой муж. Надо же было такое придумать! Из-за того, что он ее послал к чертям, она наплела всем о бурной ночи. И ты, бедняга, поверила. А бабы тоже хороши, подцепили на языке и понесли по всей деревне.

Маме нравится называть наше сообщество деревней. Словно это умоляет умопомрачительную стоимость квадратного метра.

– Да я сразу же поняла, как только зашла и посмотрела на нее. Боже, вот уродина! Ты бы видела ее лицо, когда я устроила скандал, прямо в библиотеке.

Так, все ясно. Очень похоже на маму. Соваться в чужие дела и устраивать бесплатные шоу. Могла бы и рассказать мне. Я уже достаточно взрослая. Тем более, идей у меня как насолить сороке с длинным языком пруд пруди. Хотя нет. Тогда я совсем без книг останусь. Так, надо срочно позвонить Макс, рассказать ему. И когда я только превратилась в сплетницу? Но, ничего удивительного. Я же дочь своей мамы, так ведь?

Глава шестая

27 сентября.

Я сижу в большом уютном кресле на веранде. Вечерние солнечные лучики согревают мое лицо. На мне наш старый плед, который хранит запахи прежнего дома и прежней жизни. Мои волосы немывтые и растрепанные, и от этого еще уютнее. В данный момент мне ничего на свете не надо, лишь бы запомнить это ощущение, пронести его со мной по жизни.

Я очень часто запоминаю странные моменты. Не те моменты, которыми люди обычно дорожат. Я помню одинокий одуванчик в залитом светом поле. Я помню зимний вечер, в который фонари освещали падающий на ели снег. Я помню обычные моменты: мама, рассказывающая какую-то шутку так эмоционально, что целая полка со специями полетела на пол, бабушка, показывающая мне, как делать тесто на пирожки. При этом я совершенно не помню свой первый день в школе.

Когда я вижу что-то безумно красивое или ощущаю себя по-особенному, я сама себе говорю: «Запомни это навсегда». И, как ни странно, запоминаю. И сейчас именно этот момент и я хочу, чтобы он остался в моем дневнике. Когда-нибудь, через много лет, я открою его и снова стану пятнадцатилетней девочкой с растрепанными волосами и чашкой чая с лимоном в руке. Счастливая и беззаботная. У которой впереди вся жизнь.

Я закрываю глаза, чтобы еще на мгновение продлить свое спокойствие, но на веранду выскакивает мама, и мне приходится поспешно закрыть дневник.

– Тебе тут мальчик звонит, – говорит она, и я вижу, как ее распирает от любопытства. Передает трубку и стоит, ждет. Нет, серьезно? Она будет слушать?

– Это, наверное, Максим, – говорю я ей, и, стараясь не замечать ее вопросительное выражение лица, и с каменной мордой беру трубку.

– Аллю.

– Эй, привет. Чем занимаешься?

Если честно, я немного злюсь, что меня потревожили. Я вообще люблю побыть одна, поразмышлять о разных вещах.

– Да так, чай пью на веранде.

– Здорово, выливай чай, я сейчас буду. Поедим на великах кататься.

– Я...я – Меня прервали телефонные гудки.

Честное слово, кто так поступает? Придется одеваться и натягивать бейсболку на немывтую башку.

Я второпях следую в комнату, мама за мной.

– И куда это барышня собралась?

– Кататься на велосипеде собралась барышня.

– Угу.

– Что угу?

– Да нет, все нормально. Поэтому ты сменила уже три майки? Чем эта майка не подходит для того, чтобы покататься на велосипеде? – мама поднимает с пола только что брошенную мной белую майку.

– Она слишком белая, – тут же вру я.

Мама хохочет, как гиена и выкатывается из моей комнаты. С ней определенно что-то не так.

Через пять минут я уже с накрашенными ресницами, одетая в самые мои лучшие джинсы и толстовку, с бейсболкой на голове выбегаю на улицу.

Я до сих пор не могу привыкнуть, что у нас свой дом. Не квартира в подъезде, а самый настоящий дом. Ни тебе лифта, ни соседей, ни привычного шума перфораторов по стене.

Почти как в американских фильмах. Все дома вокруг нашего абсолютно идентичные, только разных цветов. Мы живем в белом. Это мне нравится больше всего. В доме белое почти все (благодаря моей маме): кухня белая, ванная вся белая, белые двери, белые полы, белые стены. Но при этом на стенах и полках безумное количество сувениров и всевозможных поделок из разных стран. Там-там из Туниса, множество фигурок из Тайланда, Мальдив, Испании, Турции. Покрывала из Индии, слоны оттуда же. Так что, несмотря на свою белизну, дом плещет красками. Папа из каждой поездки привозит шахматы. Вернее, привозил, пока эти самые шахматы не заняли половину дома, и ставить их стало некуда. У мамы хобби куда более практичное (учитывая, что в шахматы мой родитель играть не умеет) – она привозит причудливые чашки из каждой страны, в которой бывает. Они все небанальной формы или с забавным рисунком, и когда к нам приходят гости, чай они пьют не из одинаковых сервизных фарфоровых чашек, а выбирают из маминой обширной коллекции. При этом мама каждый раз рассказывает, откуда какую чашку она привезла. Что излишне – на каждой написано название страны.

Я вывожу свой розовый велик из гаража. Я обожаю его, ведь более девчачьего велосипеда не придумать. А еще у него корзинка спереди. Но сейчас я смотрю на свой транспорт другими глазами. Глазами мальчика, который пригласил девочку на прогулку. И мне, непонятно почему, становится немного неуютно. Если бы это был не Макс, а, скажем, Катька, то я бы даже повыпендривалась перед ней. О, она бы обзавидовалась моему велосипеду в стиле Барби. Но... Другого у меня все равно нет.

Вот и Макс. Мое сердце радостно бьется. К тому времени, как он приехал, я уже была в восторге от идеи, и от того, что он вытащил меня из меланхолического настроения. А поездка на велосипедах в такой замечательный вечер как нельзя кстати.

– Готова к приключениям?

Я хмурю брови и фыркаю:

– К каким еще приключениям?

– Тут километрах в десяти есть деревня. Поехали на разведку.

К моему огромному облегчению Макс даже внимания не обращает на девчачий велик, так что я зря волновалась.

– Послушай, а не поздно уже ехать так далеко?

Смотрю по сторонам. Солнце еще довольно высоко, но уже откидывает розоватые тени на деревья и дома.

– Да брось ты, десять минут и мы там.

– Ну что ж, поехали, если знаешь, куда.

Макс откидывает свою челку и подмигивает мне, заставляя меня еще долго гадать, что бы это значило.

Через десять минут мы только добрались до шоссе. Я никогда еще не ездил на велосипеде по шоссе. Это необъяснимое чувство свободы от скорости и открытого пространства. Мимо пролетали машины, каждый раз обдавая нас ветром и теплом, заставляя крепко держаться за руль. По шоссе мы ехали друг за другом, и поэтому молча, да и шум оживленной дороги не особо настраивал на разговоры. На улице уже включили фонари, и я испугалась, что домой мы вернемся совсем не скоро. Но предложить окончить наше путешествие и повернуть обратно не решалась. Меня всегда берет бравада в компании мальчиков. Я боюсь показаться им ноющей девочкой, которой не под силу с ними общаться. Да и самой не хотелось, чтобы этот день заканчивался. Даже не верится, что не хотелось ехать.

Спустя какое-то время, когда я уже заволновалась, Макс помахал мне рукой на поворот. На табличке было написано: «дер. Ведьма».

– Ух ты. Вот это название.

– Да. Деревню неспроста так назвали. Тут живет настоящая ведьма. Ну, по крайней мере, так думают несколько человек.

Я смеюсь, но меня почему-то передергивает от озноба. Такое ощущение, что кто-то дышит мне прямо в затылок.

– С чего ты это взял? Сказок начитался?

– А вот и не сказок. – Макс протягивает мне два листа. – Случайно наткнулся в интернете, оказалось совсем рядом с нами.

– Послушай, – я пробежалась взглядом по помятым бумажкам, в которых говорилось о каких-то странных происшествиях, странных звуках и непонятных шарах, которые летают в деревне по ночам. – Все это, конечно, здорово, но уже поздно, пора возвращаться. Если хочешь, проедем сюда завтра или послезавтра.

– Струхнула, да? – Он пододвигается ко мне и, наклонившись, заглядывает в глаза. – Мы сюда долго ехали не для того, чтобы сдать у самих ворот! – И только сейчас, когда он в очередной раз убрал челку, я заметила, насколько красивы его глаза. Таких глубоких и огромных синих глаз я не видела ни у кого. Мне даже показалось, что раньше они были другого цвета, более светлые. В остальном черты его лица не имеют ничего примечательного. Он смотрит на меня в надежде, что я поддержу его приключенческий дух, и честно, сейчас я готова идти с ним хоть к самой этой ведьме. Тем более, вдвоем не так уж и страшно.

– Ты мне ничего не сказал, просто позвал покататься, я и понятия не имела, что мы охотимся на ведьм! – выпаливаю я. – Ты и правда веришь в это? – я стараюсь говорить скептически и для убеждения помогать себе мимикой, хотя сама всегда верю во все эти вещи всегда и сразу.

Мне не хватает сказки в жизни, не хватает адреналина, поэтому, когда мои будни наполняются чем-то необъяснимым, это делает меня самой счастливой на свете.

Я мельком кидаю взгляд на часы – уже полдесятого. Мама, наверное, уже беспокоится, а домой ехать еще полчаса, как минимум. Но я не хочу показаться занудой. И так выставила себя не в лучшем свете. Тем более, подводить людей я не люблю. Мы и вправду ехали сюда слишком долго, чтобы в самом конце развернуться, и так и не узнать, есть ли там что-нибудь стоящее.

Глава седьмая

– Ты – супер! – делает мне комплимент Макс, и я вся горю изнутри. Мне еще не говорили таких слов. Я и вправду начинаю себя ощущать супер. И теперь хочется лезть везде вперед, чтобы доказать: я «свой парень».

– Знаешь, – продолжает Макс, – мне нравится с тобой дружить. С пацанами я бы никогда не поехал сюда, они бы засмеяли меня. А тебе я могу доверить такие вещи. Ты ведь не разболтаешь?

– Я? А кому, по-твоему, я должна разбалтывать? Ты видел меня хоть с кем-нибудь?

– Хм. Странно. Я думал, ты общаешься с девчонками тоже. Они про тебя много что говорят.

Мне не терпится спросить, что же они говорят про меня, но мне также хочется оставаться крутой, оставаться «супер», а это значит, что мне все равно, что про меня говорят.

– Тебе не интересно, что именно говорят про тебя?

Я безразлично пожимаю плечами, и Макс одобрительно смеется.

Черт, что же про меня рассказывают???? Но одно то, что мое имя знают одноклассники, мне уже льстит. В прошлой школе я была просто невидимкой. Не думаю, что они даже заметили мой уход.

Мы, сбавив скорость, подъезжаем к старому разваленному забору. Во дворе трава нам по шею, и старый покосившийся дом. Некоторые окна разбиты, но ничего кроме темноты они не открывают. Другие покрыты большим слоем грязи и пыли.

– Что дальше? – скривив рот, произношу я.

– Как что дальше? Полезли!

– Мы не можем. Это чей-то дом.

– Посмотри внимательно: если бы это был чей-то дом, за ним бы ухаживали. И тропинка от ворот до дома не заросла бы так.

Мы слезим с велосипедов, и потихоньку отворяем, как назло, скрипучую калитку. Вот это приключение! В груди от волнения и избытка эмоций бешено колотится сердце. Трава впитала запах прошедшего лета, а земля все еще помнит солнце. И только изредка встречающиеся пожухлые стебли напоминают о том, что уже осень. Сегодня наверняка что-то должно произойти, я уверена, что этот вечер я буду помнить всегда.

Макс берет мою руку, и я уже не помню ни о какой ведьме. Мне совсем не страшно, и совершенно все равно, что дома прилетит под первое число.

Тут он замирает и говорит:

– Бежим, бежим, бежим!

Я разворачиваюсь и бегу что есть сил, хватаю велосипед, и мы уже вдвоем всю крутим педали, две минуты – и мы на шоссе.

– Что... Что ты там видел? – задыхаясь от смеха и физического усилия, едва выговариваю я.

– Послушай, я не хочу говорить об этом. Да ты и не поверишь.

– Почему же не поверю, поверю. Макс, что там было? – я уже не на шутку взволнована. – Иначе я напридумываю гораздо больше и хуже и спать не буду еще полгода как минимум.

О, Боже, я никак не переведу дух.

– Там. Там. Я не знаю. Была тень. Потом отворилась дверь дома. Я не ожидал, что там кто-то есть. Где ты была? О чем думала? Куда смотрела? – Он не на шутку взволнован, и даже мои смешки не заставляют его губы хотя бы дрогнуть в улыбке. – Зря я тебя туда потащил, тоже мне, нашел, с чем играть.

– Брось ты. Я ничего не видела, да и потом, ничего не случилось.

Он смотрит на мои растрепанные волосы, и тихо произносит:

– Случилось. Где твоя кепка? Ты ведь была в кепке, в красной? – Он с ужасом в глазах смотрит на меня, и я понимаю, что пришло время волноваться и мне. – Понимаешь? Это твоя личная вещь, – Макс продолжает шептать, чем окончательно сбивает меня с толку, – и теперь она может сделать с тобой что угодно!

В животе у меня закрутило, но я не хочу выдавать страх.

Я опускаю взгляд на землю. Он поймал меня. Мне действительно было все равно где мы. Мне было так приятно, что он держал меня за руку. Я забыла, где я и зачем я там. Тоже мне, решила, что такая как я может на что-то надеяться.

– Ладно, поехали, – бормочу я и начинаю медленно крутить педали. Ноги уже ноют, и я хочу скорее попасть домой.

– Мы просто обязаны приехать сюда еще раз. Сейчас слишком темно. Я ничего не разглядел. Но там кто-то был. Может, мне показалось, и твоя кепка просто упала. Мы приедем и заберем ее. – Макс говорил скорее с собой, чем со мной. Но мне это нравилось. Меня переполняло чувство спокойствия, которое ощущаешь только с близким другом. – Кто может жить в такой развалюхе? Не волнуйся только.

Я усмехнулась его бормотанию. Он и вправду напугался. Но и я тоже. Ведь речь идет обо мне, кто бы там ни жил, у него моя вещь. И мне от этого не по себе.

У нас появился небольшой секрет. Только мой и Макса. И это только начало, я уверена.

Вечером, когда я вернулась домой, на удивление никто ничего не сказал. Мама с папой были слишком увлечены просмотром очередного сериала про суперагента и интриги власти, чтобы заметить, что на улице уже давно стемнело. Я поспешно поднялась к себе на второй этаж, чтобы до самой ночи делиться с дневником недавними событиями. А потом еще час искать в интернете оберег от ведьм. И, заказав в магазине эзотерики смоляной крестик, я успокоилась и легла спать.

Глава восьмая

Следующим утром я просыпаюсь с забавным чувством, что случилось что-то необычное. Утро какое-то другое, словно наполненное смыслом. Мне не терпится увидеть Макса и все обсудить с ним, поэтому я наспех глотаю тост с ореховой пастой и джемом – привычка, привезенная из поездок к аргентинским дедушке и бабушке – и высказываю на улицу.

И тут меня ждет сюрприз. Наш незначительный садик вокруг дома весь покрыт снегом. Но еще вчера вечером я прекрасно чувствовала себя в одной только коффе! Мне даже было жарко! Особенно когда мы гнали обратно, словно удирали от чертей. Хотя, в некотором смысле, так и было.

Не могу поверить своим глазам. В нос шибает холодный воздух, и будит меня похлеще любой самой кофеиновой чашки кофе.

Я возвращаюсь домой и нехотя натягиваю куртку, а затем, подумав с полсекунды, еще и шапку. Вообще я люблю любую смену сезона. Люблю первый снег, когда все дышит свежестью и говорит о скорых переменах. Люблю шелест листвы под ногами, которая, увядая, дарит ароматы ушедшего лета. Но сегодня почему-то мне грустно. Словно я теряю что-то. Мне кажется, что вместе с этой теплой осенью уходит и мое детство, и мои детские мечты. И вчерашний вечер. И вдруг я уже не ощущаю себя подругой Макса. Словно с хорошей погодой закончилась и наша дружба, и наше приключение.

В таком меланхоличном настроении добредаю до школьных ворот. Ворота плачут, и я вхожу внутрь. Школа живет своей обычной жизнью – девочки, скучковавшись, обсуждают мальчиков, мальчики обсуждают новейшие модели сотовых телефонов. В нашей школе считается смертельным грехом, если твой сотовый отстал на полсезона. И все пытаются перещеголять друг друга новейшими гаджетами. Я усмехаюсь про себя их ограниченностью, и радуюсь тому, что мне доступно гораздо больше – у меня есть тайна.

– Эй, Анна!

Соня Коганович, длинноволосая блондинка, которая косится на меня вот уже недель пять, подзывает меня. Иногда, как вот сегодня, когда у нее распущенные волосы, мне кажется, что ее не стригли с самого рождения. И не расчёсывали тоже. Но это она просто следует тренду «только с постели», который явно придумали ленивые люди.

– Соня, привет, – говорю я спокойным голосом, как будто каждый день с ней здороваюсь.

Вообще меня, конечно, беспокоит, что кроме Макса я ни с кем не общаюсь. Но, по правде говоря, мне этого общения уже не очень-то и хочется.

Соня окидывает мою одежду оценивающим взглядом и, довольная тем, что суммарная стоимость моего костюма раз в пятьсот меньше стоимости одного только ремня от ее сумки, произносит:

– Я слышала, вы славно поохотились на ведьму, – Соня издала гадкий смешок. – Извини. Но Макс всем растрезвонил еще вчера по телефону. Говорит, ты не на шутку испугалась. Как мило. Ты такая наивная. – Она закатила глаза, и мне на секунду показалось, что ее накладные ресницы остались на месте. Может, она их приклеила не на то место? – Он всех девочек водит туда, чтобы проверить на «вшивость». – Она легким движением, которого мне и во век не добиться, поправляет свои длиннющие патлы. А внутри меня все сжимается. – Просто хотела тебя по-дружески предупредить. Эй, ты куда, дурочка? – Кричит она мне уже в след.

Я бегу обратно к воротам, ничего уже не видя от пелены проступивших слез.

– Да стой ты!

Меньше всего мне хочется, чтобы она видела меня в такой: униженной, обиженной, да еще и с распухшим носом и красными глазами. Поэтому я по-детсадовски отворачиваюсь от нее и пишу неровным голосом:

– Оставь меня в покое, пожалуйста. Все в порядке.

– Да уж, вижу. Ты с ним поосторожнее. Ну ладно, ладно. – Принялась она успокаивать меня. Не реви. Ничего страшного в этом нет. А давай распустим слухи, будто он сам обделался вчера от страха. Это будет достойный ответ. Ведь так и было? Я помню, когда он мне показывал этот дом, я обхохоталась над ним. Ну, ничего, ты просто еще не выросла, так ведь?

Я тут же вытираю слезы рукавом куртки. А ведь она права. За себя надо постоять. Жаль только идея не моя. Только до сих пор не верится, что он притворялся моим другом, чтобы так посмеяться. А я, наивная, поверила...

– Ты мне сможешь? – ненавижу себя, я с надеждой жалобно смотрю на особу, которой не очень-то доверяю. Но это мой единственный вариант, если только я не хочу стать изгоем и тихонько просидеть на последней парте до самого выпускного.

– С превеликим удовольствием, у меня к Максy давний счет. – О боже, она не только выглядит как актриса, но и говорит так же. – Идем, я уже знаю, как это сделать.

Мы, делано хохоча, вваливаемся в школу, и подходим к группе таких же рафинированных девочек в платьицах от именитых дизайнеров, как и Соня. Они с нескрываемым интересом смотрят на нас.

– Привет, – дружный хор здоровается со мной, и мне уже намного-намного лучше.

– И что такого веселого? – спрашивает меня Аманда Брайт.

– Она, как и ты из «смешанной» семьи: мама украинка, папа американец. – Шепчет мне Соня, пока мы не дошли до девочек, – Только ее родители давно развелись, но до сих пор продолжают войны по разделу не только имущества, но и единственной избалованной до предела дочки.

– Ребята, вы не поверите, что мне рассказала Анна. – Соня смотрит на меня и я, одобряюще кивнув, опускаю глаза. Если он так со мной, то и я не буду церемониться.

Через пять минут все наперебой охали и ахали, и звонили по телефону, взхлеб рассказывая подругам и друзьям о том, что Макс наделал в штаны, подумав, что ведьма его сварит в котле. Надо сказать, занятие увлекательное и затягивающее – распустить сплетни. И к концу дня я уже сама свято верила, что все так и было. Что я стояла у ворот и хохотала, наблюдая, как он бежит, сверкая пятками. А над Максyм потешался весь класс. Это было и весело, и униЗИтельно одновременно. Особенно учитывая, что он в свою защиту не сказал ни слова, за исключением упрека сквозь зубы, мол, что я обещала... Весь день время от времени он поглядывал в мою сторону, явно ища моего взгляда. Вот так-то. Получи фашист гранату. Теперь у меня есть подруги, которые постоят за меня. Больше никаких мальчиков! Я не позволю никому надо мной усмеяться! Надо же... Он казался таким открытым, таким милым, таким естественным. Пожалуй, я бы дала ему «Оскара» за блестяще исполненную роль.

Уже два дня я сидела рядом с Соней. Со мной здоровался весь класс, и хлопал меня по плечу или дружески подставлял «пятю» для моего ответного удара. Ну, практически весь. Парни как-то сторонились меня, да это и понятно. Зато девочки, чуть не дрались за возможность сидеть рядом со мной хотя бы во время обеда. А вечером я собираюсь идти к Соне в гости. Вместе с Амандой. Они только что меня пригласили. Вот оно как – быть популярной.

– Пойми меня правильно, Анна, – растягивает слова Соня, подпиливая свой наращенный ноготок пилочкой, которую только что вынула из сумочки. – Все здорово, тебя все любят. Максa мы унизили ниже некуда, – она обменивается триумфальным взглядом с нами всеми, и мы, словно стадо зомби, улыбаемся и киваем в ответ. – Но, чтобы быть вместе с нами, сидеть с нами, ты должна измениться. Иначе это портит мой имидж. – Она делает широкий жест, обводя меня всю пилочкой. И глубоко вздыхает. – Что, у тебя ничего другого из тряпья нет? Папа у тебя, вроде как, зарабатывает неплохо?

Что правда, то правда. Папа зарабатывает неплохо. Но это не значит, что я вижу эти деньги. Нет, конечно, мы часто ездим отдыхать в дорогие курорты, ходим в рестораны. Но одежда и все остальное у меня, как и у всех других девочек из моей старой школы. И меня никогда особо не удручал мой внешний вид. По крайней мере, до тех пор, пока я не увидела, как одеты мои одноклассницы. Мама тоже не позволяет себе дизайнерскую одежду и сумки. Моя одежда не самая дешевая, всегда качественная. Типа той функциональной «Реймы», в которой гуляет вся малышня. И я. Это надежная одежда, призванная прослужить мне правдой и неправдой лет десять, ну или пока из нее не будут торчать мои локти и колени.

Я опускаю голову, подергивая безмянное платьице.

– Мои родители не поймут, если я попрошу их купить что-то очень дорогое.

– Ну не важно, у меня тряпья полные шкафы. Я даже уже не помню, что там есть. Сегодня мы тебя оденем. Ты вроде не сильно толще меня. Придется похудеть. Это ведь не проблема? – Соня вместе с Амандой смотрят на меня взглядом врача, у которого наготове огромный шприц, и хлопают накладными ресницами. Родители меня убьют, если я налеплю такие же – все, что мне приходит в голову в этот момент. – Или проблема?

– Нет, не проблема, – неуверенно отвечаю я. Мне всегда казалось, что я чуть не гремлю костями, когда хожу. Но, со стороны, наверное, виднее. Худеть я, конечно, не хочу. Но и терять только что обретенных подруг тоже. В конце концов, слава требует жертв.

Глава девятая

– Мама, приготовь нам напитки и фрукты, – командует Соня, с порога, едва открыв мне дверь. Я не уверена, принято ли в этом доме здороваться, поэтому просто киваю.

– Я вижу, у нас новая гостья, – говорит ее мама в ответ на мое робкое приветствие.

На ней одет спортивный костюм La Coste и какие-то безумные леопардовые тапочки с лисьими хвостами. Как она об них не запинается? Я едва сдерживаюсь, чтобы не спросить ее об этом.

– Я Анна.

– Мам, не лезь, ладно? – раздраженно грубит моя новая подруга, и закатывает глаза.

– Ладно, ладно, убегая. Сейчас все принесу вам.

Мама Сони удаляется на кухню, и мне становится ее жаль настолько, что я готова следовать за ней, приговаривая, что ее дочь вовсе не это имела в виду.

Поднявшись на третий этаж, я попадаю в сказку. Аманда уже развалилась на кровати. Она продолжает листать журнал, не обращая на меня никакого внимания. Да, похоже, здороваться здесь не принято. Огромная розовая комната поражает своим размером и интерьером. Посередине стоит массивная резная кровать с розовым балдахином. В углу я замечаю зеркало, по периметру которого горят лампы. Совсем как у артистов театра. На столе под ним стоит открытая шкатулка, нашпигованная косметикой именитых марок. С десятков помад и блесков Диор, Ланком, Клиник; тушь, тени, тональные крема... Вот почему она всегда выглядит словно ее фотошопом обработали. Я с завистью смотрю на все это богатство.

Помню, неделю назад намазалась маминой тушью Лореаль. Она оказалась водостойкой и еще пару дней оставляла пятна у меня под глазами.

– Подойди-ка сюда, – сказала тогда мама.

– Что такое? – я подхожу и опускаю глаза. Как говорят: «на воре и шапка горит».

– Немедленно иди в ванну и смой это. Позорище, в пятнадцать лет мазюкать лицо. Вот будешь старая как я, придется мазаться, чтобы людей на улице не распугать. А сейчас, дурында, наслаждайся своей красотой, не так долго это время длится... – Мама явно была не в духе тогда, или заметила у себя морщинку где-нибудь в непотребном месте.

Но факта это не меняет: в то время, как Соне мама САМА покупает дорогущую косметику, мне втихушку приходится пользоваться Руби Роуз, купленной на скопленные деньги (найденные в непотребном месте монеты и забытые в зимних вещах десятирублевые бумажки).

Соня замечает мой взгляд удава, и говорит:

– Хочешь, подарю тебе что-нибудь. Все равно всем этим не пользуюсь.

Я ошеломленно смотрю на нее.

– Эта косметика очень дорогая.

Соня хмыкает и пожимает плечами:

– В общем, хочешь, бери, не хочешь – не надо.

Кто меня вообще за язык тянул. Надо было сразу сказать: «Как здорово, спасибо. Я возьму вот эту диоровскую тушь», и сделать реверанс.

Но не проходит и секунды, как я забываю о сундуке с сокровищами, и замираю в еще большем шоке. Соня открывает раздвижные дверки и моему и так уже затуманенному взору предстает то, что она называет «гардеробная». Три ряда вешалок плотно утрамбованных платьев, пиджаков, кардиганов и домашней одежды, которую на ее месте, я бы одевала только по праздникам. От замеченных лейблов мои глаза постепенно полезли на лоб. У стены стояли коробки с надписями вроде Миу-Миу, Джимми Чу, Шанель...

– Это все твое? – не веря своим глазам, задаю глупый вопрос.

– У моей кошки свой гардероб. – Аманда прыскает со смеха. – Конечно, мое. – Соня пытается перекричать музыку, которую она включила «для поднятия настроения». – Ты думаешь, моя мама стала бы носить вот это? – Она вытаскивает ультракороткую юбочку, которая в пору разве что моей Барби. – Кстати, я ее уже давно не ношу. Примерь ты.

Я, ословелая от счастья, стягиваю свои потрепанные джинсы, представляя взору подруг хлопковые розовые трусики, и, пытаясь скрыть их неблаговидность тороплюсь втиснуться в эту красоту. Красота на мне не застегивается, и я мысленно проклиная себя за бездумно поглощенные булочки и торты.

– Не лезет, – со стыдом бормочу я.

– Ничего. На вот это. – Соня кидает мне бесформенное платье. Я беру его в руки и наполняюсь сладкой негой. Шанель.

В доли секунды я стягиваю с себя футболку и слышу смех новоиспеченных подруг.

– Майка под футболкой? – похоже, они не могут остановить свой гомерический смех. Га-га-га продолжается, по крайней мере, еще минут пять. За это время я – таки, пыхча, напяливаю мешок от Шанель на себя и смотрюсь в зеркало. Из него не меня смотрит довольно странная особа: растрепанные волосы, предательски красные щеки и обезумевший взгляд. Если бы я не знала, что это Шанель, то сказала бы, что похожа я на разлагающуюся матрешку. Но это же Шанель! Просто надо привыкнуть, и я уверена, что скоро все будут восхищаться тем, как я выгляжу в этом платье.

– Я могу взять поносить его?

– Да бери, бери. Можешь не отдавать. И тушь бери, не могу уже смотреть на тебя такую «естественную». – И они снова раздражаются гоготом. Что такого смешного во мне?

Спустя полчаса и два бокала неизвестно чего, принесенного мамой Сони, я с дарами стояла на выходе из ее дома. Ее мама с ослепительной улыбкой слишком белых зубов интенсивно махала мне и Аманде.

– Пока и спасибо за все, – благоговейно произношу я вот уже в пятый раз.

И когда дверь за Соней закрывается, обращаюсь к Аманде.

– Послушай, а почему ее родители так много ей покупают. Одежда, косметика. Одна только игровая приставка розового цвета, которая выдвигается по щелчку, чего стоит! Я такого ни в жизни не видела! – Говорю я в захлеб.

– Все очень просто: родители ее, так же как и мои, в разводе. Вот и стараются перецеголять друг друга в подарках. Только вот очень скоро эти подарки надоедают и становятся ненужными. Ты же видишь, сколько хлама у нее. Я поначалу, как и ты, смотрела на это все, как кобра на дудку. А сейчас мне это все и даром не надо. Да и тебе тоже. Зачем мешок этот схватила, теперь ей должна будешь до скончания века.

– Я поношу и верну. – обиженно произношу я. – Мы так все время делали с подругой из старой школы. Правда, мы разного роста, и это очень ограничивало нас в одежде, зато размер обуви одинаковый. Вот мы и менялись, прямо на уроках, под партой, – я хихикнула, вспоминая те времена, а Аманда непонимающе подняла брови.

– А знаешь, чего Соня хочет на самом деле?

– Нет, чего? – спрашиваю я, мысленно перебирая в голове тот ограниченный список вещей, которых у Сони нет.

– Она хочет, чтобы ее как следует наругали. И курить стала только из-за этого. А на самом деле, ей совсем не нравится.

– Она поэтому хамит маме?

– О, ты еще не слышала, что она папе говорит, – Аманда прыскает смехом. – Мы тут недавно с ним и Соней ходили по магазинам. Так она попросила сумочку. Не дешевую, надо сказать, но безумно красивую. Ее отец отказался, сказал, что она еще ни разу не носила ту, что он купил в прошлый раз. Так Соня заорала на него на весь магазин, что ее никто не любит,

никому она не нужна. Я стояла, и поверить не могла такому шоу. Даже я не смогла бы у отца попросить такую вещицу. Ну и что ты думаешь, через пять минут он был на кассе, покупал ей эту сумку и просил прощения, что сначала отказал, – Она снова смеется. – Высший класс!

Я на секунду представила реакцию моего папы на такой скандал, и мне тоже стало смешно.

– А она добрая, Соня, – уточняю я. – Подарила мне платье и тушь. Я не думала, что она такая.

– Угу, – вяло кивает Аманда.

Наверное, завидует, что Соня мне что-то подарила, а ей – нет, – подумала я, и невольно подпрыгнула на месте, чем заслужила ухмылку со стороны моей новой знакомой. Боже, да с ними все время надо быть начеку. Ни одного неверного движения. Не то, что с Катькой. С ней мы могли танцевать безумные танцы племени тумба-юмба только из-за того, что закончились уроки. Какие же мы были глупенькие! Теперь передо мной новый мир – мир взрослых отношений и взрослых вещей!

Глава десятая

1 октября.

Дорогой дневник, прости, что долго не писала. Ты, наверное, умираешь от любопытства почему. Хотя обычно я долго не пишу, потому что писать-то нечего. А тут все наоборот, столько событий! С тех пор, как мы были у ведьмы, моя жизнь перевернулась. Про Макса я даже не вспоминаю. Тоже мне, дружок. Захотел повеселиться за чужой счет. Растрезвонил всем, что повез меня к ведьме проверить на трусость. Сказал, что я визжала, как только скрипнула дверь в дом. Мальчишки, наверное, за животы держались, когда он в красках описывал мой побег. А то, что это он отдышаться не мог всю дорогу, конечно, забыл упомянуть. Или все это было для убедительности? Если все так, то почему у меня такое поганое чувство на душе? Ведь я не наврала ни капли – он струсил. В школе все казалось классным, и увлекательным. Мне впервые захотелось туда, впервые я рада видеть одноклассников, а не опускаю взгляд при встрече с ними, и не прячусь за лестницей, как бывало не раз. Ощущения словно в фильме, когда главная героиня выходит победительницей. Почему Макс все время только качал головой, встретившись со мной взглядом? Почему не подошел, не сказал ничего в свою защиту? Я не верю, что все это было ради пяти минут смеха. Не верю! Над ним потешается почти весь класс. Знаю, знаю, что обещала ему не говорить никому. Но ведь это он хотел посмеяться! Даже вспоминать противно. Но да ладно, надо наконец повзрослеть и мне. А то нюни распустила, друга нашла... Уже размечталась. Вот, получай! Но теперь у меня есть подруги. Разве не этого я хотела? Только вот, почему так погано на душе?

Ах да, совсем забыла – с сегодняшнего дня я на диете! И уже скоро буду влезать во все платья Сони. Она сказала, что с радостью даст их мне погонять, как только я смогу застегнуть их на себе!!! Скоро все увидят новую Анну! Анну, безусловно одетую, с аккуратным макияжем и способную дать отпор любому! Вот так-то.

Последние строки я дописывала совершенно неизвестным почерком. Мне не терпелось снова прикоснуться к высшему дизайнерскому искусству. Но не успела я расстегнуть «молнию» на платье, как мама позвала ужинать.

Перескакивая через две ступени, я примчалась на кухню. Стоял обалденно вкусный запах котлет и пюре. И я плюхнулась на стул, плотоядно потирая руки. Вот это день, я понимаю! Но тут же вспомнила о своем несвоевременном решении о диете и тяжело вздохнув, буквально выдавила из себя:

– Мам, я так объелась у Сони, что не буду ужинать.

Мама с плохо скрываемым недоумением посмотрела на меня, так, что мне пришлось отвести глаза. Я никогда не умела убедительно врать. А мама знает меня лучше меня самой, и понимает, что от котлет я отказываюсь только в экстренных случаях (но таких еще не бывало в моей жизни).

– Детка, ты не заболела?

– Да нет, нет, все отлично. Я, наверное, пойду наверх, ладно?

Поднимаясь по лестнице, я почувствовала, как мой желудок предательски урчит. Ничего, пускай. Помни о своей цели. Дизайнеры, наверное, и не шьют одежду больше 40 размера. Надо же, я всегда считала себя худышкой, а оказывается я так далека от идеала!

Полночи я проворочалась, то пытаюсь переварить те события, которые произошли со мной за последние несколько дней, то мечтаю о том, как поступлю в испанскую школу дизайнеров. Все мои мечты, будь они о мальчиках или об учебе, в итоге сходились к одному и тому же – я на подиуме, в простой белой майке и джинсах, такая скромная, после собственного показа, мило и застенчиво машу рукой и благодарно принимаю букет от восхищенных поклонников

и преданных клиентов. Зрители аплодируют мне стоя, репортеры рвутся за кулисы, лишь бы выхватить хоть слово, снять хоть кадр. В итоге заснула только часам к трем, а сейчас уже семь тридцать. Будильник звенит, а я готова обезглавить себя, лишь бы полежать неподвижно хоть еще минутку.

Я лениво спускаю ногу и, едва сев на кровати, плюхаюсь обратно на подушку. Мои веки наотрез отказываются открываться новому дню. Кажется, останься я здесь еще на секунду, меня будет не разбудить. Усилим своей невероятной воли я открываю один глаз, и тут же остатки сна улетучиваются. Передо мной на стуле лежит настоящее платье от Шанель! Боже мой, сегодня я буду звездой! И откуда только взялась эта энергия, с которой я пулей лечу в ванную?

В десятый раз взглянув в зеркало и изобразив сексуальный прищур светской львицы, я одобрительно киваю сама себе и спускаюсь вниз. Уже где-то ступеньке на третьей начинаю ощущать себя неудобно. Это платье и макияж здорово смотрятся в зеркале. Но не перед мамой, и тем более, не в школе перед учителями.

– Это что такое? Милая, ты сама это сшила? – Говорит мама, подходя ближе. – О, господи, а намазалась-то зачем?

– Мам, как ты могла сравнить Шанель и то, что шью я? Ну в самом деле?

Мама с папой переглянулись, и уже еле сдерживали смех. Честное слово, люди их поколения какие-то странные.

– У нас есть что-нибудь менее калорийное? – спрашиваю я голосом обалдевшего подростка, и рукой обвожу все вкусности на столе, которые безумно соблазнительно пахнут и выглядят. Пару дней назад я навернула бы их за милый мой.

Мама всегда готовит отменный завтрак, который безотказно поднимает настроение и мне и папе, чем бы мы ни были опечалены в ранний час.

– А... – мама засуетилась, – сейчас посмотрю. – Может, бутербродик с колбаской? – Она смотрит на меня в надежде, что я сейчас скажу «поймалась, поймалась». Но, разумеется, ничего такого не происходит. Я только презренно беру яблоко со стола и под каменным взглядом родителей отправляюсь натягивать тридцать три зимние одежды. Настроение у меня сегодня боевое. Я никогда еще не чувствовала себя такой взрослой и красивой.

В школе меня уже ждут новые подружки. Ареал их обитания, как обычно, рядом с раздевалкой. Откуда, собственно, я и выхожу вся при параде. И тут же на меня словно манна небесная сыплется комплименты и охи с ахами. Вот что значит одеваться у дизайнера! Мы несколько раз щелкаемся на мой телефон, и еще пару – на телефон Аманды.

Подхлестнутая всеобщим вниманием, я чувствую в себе силу и смелость, которых отродясь у меня не было. Краем глаза замечаю у входа Макса, и, сама не знаю почему, густо краснею. Я бы предпочла его вовсе не видеть больше. Клокочущая энергия только и ждет, чтобы вырваться наружу.

– Я вижу, ведьма еще не сварила тебя в котле, – я обернулась на девочек, которые хихикали, присвистывали и восторженно смотрели на меня. Боже, да я прирожденный лидер! Не скрою, я получаю некое извращенческое удовольствие из-за того, что все на меня смотрят.

Макс проходит мимо, слегка задевая меня плечом, и тут же разворачивается. Чувство не из приятных... Но, если не готов к войне, так не начинай ее.

– Нет, не сварила. – На его лице появляется отвращение, и у меня тут же в животе все переворачивается. – Но мне бояться нечего. Это твою кепку она забрала, но тебе ведь не хватит храбрости пойти вернуть ее, так ведь? – Макс повышает голос. – А то я испугался, аж поджилки трясутся.

– Ой, да брось ты. Сам же знаешь, ведьму выдумал ты. Зачем и дальше притворяться? Мне сказали, что ты водишь туда всех новеньких. И как, я прошла испытание?

Макс презрительно кривит ртом – и как только у людей так получается делать? От его выражения лица мне становится нехорошо.

– Что же он тогда от нее бежал, как ты говоришь? – Мальчишки из нашего класса говорят наперебой. – Если нет ее, то и заberi кепку, чего ты боишься? Как пацана помоями обливать – так смелость есть.

Я театрально откидываю прядь волос, не так артистично, как это получается у Сони, но учитывая огромную разницу в длине – сойдет. Я собранная и равнодушная. И, честное слово, восемьдесят процентов заслуги в этом – то, как я выгляжу сейчас.

– Хорошо. Какие проблемы? Завтра принесу эту кепку. Я ее просто потеряла. Никто ее у меня не крал, дурни. Нашли кому верить. Пустозвону!

Последнее слово я буквально бросаю Максy в лицо, и тут же ощущаю на себе сверлящий взгляд его глаз. Но сейчас они кажутся не синими, а почти черными от злости. Еще мгновение, и из них полетят молнии.

Коридор наполняется гулом и свистом, закручивающим меня словно торнадо. Было решено, что завтра с утра я продемонстрирую собственную кепку. Но тут звонит звонок, и все отправляются в класс, а Макс ловит меня за руку.

Я глубоко вздыхаю, мол, меня не интересует, что ты хочешь сказать. Хотя сама стораю от любопытства и, что уж скрывать, восторга.

– Слушай, это что еще за мешок ты натянула на себя, и так стала посмешищем. И меня еще опозорила. Так и знал, что девчонкам доверять нельзя. Я же просил не говорить о поездке...

– Это я-то? – мои глаза потемнели от гнева и возмущения. – Посмешище, это ты, позволь тебе напомнить. – Между прочим, на этот «мешок» ты и за всю жизнь не заработаешь. Это Шанель, понял?

– Шанель!!! Шанель? Ха, ха, ха! – И почему только его смех мне нравился до этого? Примерзкий смешок. – Да я видел этот мешок от Шанель в магазине «одежда и обувь для всей семьи». Мама выбирала подарок тетке. Видишь ли, у мамы нет возможности ходить по дорожным магазинам, но твой мешок она покупать не стала. Ой, насмешила. Я вижу, врать – твое любимое занятие.

– Вот, посмотри. Написано «Шанель», ясно тебе?

Макс тянет за этикетку, и она с легкостью отрывается, что меня очень разочаровывает. Неужели такой именитый дом не в состоянии нормально пришить какую-то этикетку!

– Шанель, да, говоришь? Лживая предательница! Завтра чтобы кепку принесла. А то тебе не жить в этой школе. И никакие модные роботы тебя не защитят. Они знать не знают, что такое дружба. И ты тоже. Нашла кому верить... Я-то думал, мы друзья, я-то думал, мое слово для тебя значит больше слова безмозглой идиотки. Но нет, ты такая же как они – дешевая и пустая.

Я стою посередине фойе. От моей смелости не осталось и воспоминаний. Зачем я его поддела, зачем захотела еще больше унижить? Это разве я? Пренняя я только бы фыркнула, увидев такую выходку. И никогда, никогда бы так не поступила. Какая вша вообще меня укусила? Но и Макс хорош. Никак не ожидала такой тирады от него. Обидно так, что я еле сдерживаю слезы.

Я разворачиваюсь и мчусь в туалет. Залетаю в кабинку и стягиваю с себя балдахин. На месте этикетки видны нитки. Огромные узлы торчат, словно смеясь надо мной. Я выворачиваю платье и нахожу сбоку белый ярлычок, на котором что-то написано по-турецки. А ниже еще один: «Сделано в Китае». Боже мой. Боже мой... Меня разбирает смех. Если честно, увидь я в магазине это платье, ни за что не купила бы его. Вот дура. Но каждый человек, который хоть раз видел показ высокой моды, согласится со мной, что не все, что надето на моделях вызывает восторг у обывателя.

Я в ярости шагаю в сторону класса. Распахиваю дверь и понимаю, что сесть с Соней я не могу. Неужели она специально мне подсунула это гнусное платье, чтобы весь класс смеялся? Теперь мне совсем неуютно. Прежняя уверенность исчезла, словно масло на горячем тосте. А я запуталась в своих чувствах и мыслях, как рыба в сетях.

Анастасия Юрьевна хмурится, при моем появлении, и осматривает меня с ног до головы, вызывая полуистерический смех у всего класса. Да, да, я бы тоже посмеялась, если бы не стояла сейчас здесь, словно пугало огородное.

Я прошмыгиваю в класс, и судорожно соображаю, куда бы приземлиться. С Соней не могу сесть, иначе загрызу ее. С Максом тоже – он меня загрызет. Аманда кладет руку на скамейку рядом с собой, мол, место занято, и как-то зло смотрит на меня. Рыжая заходится смехом голодной гиены. В чем дело? Что случилось? Мне непреодолимо хочется, чтобы все это вдруг оказалось страшным сном, и вернулась моя уверенность. Я быстрым шагом прохожу до конца ряда и сажусь на предпоследнюю парту. И тут же принимаюсь строчить гневное послание новоявленной подруге.

Соня. Это платье вовсе не Шанель!!! Даже не понятно, где оно сделано – в КИТАЕ или в ТУРЦИИ! Что за кошмар ты мне подсунула? Надо мной весь класс смеется!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.